

8 **КРУГОЗОР** 74

вы нам писали...

Многие материалы этого номера появились как отклик на редакционную почту. Наши читатели советуют, спорят, требуют, критикуют, благодарят... Приятно читать, например, что «Кругозор» — большая радость в каждом доме. Так думает Екатерина Русских (г. Ижевск, Удмуртская АССР). «Человек любого возраста, любой профессии, — пишет она, — может найти в нем интересное для себя».

«Рубрика «Вы нам писали» нас сближает, — признается педагог К. Сахадов из Таджикистана. — Присоединяюсь к мнению ленинградки Н. Александровой, что звуковой журнал очень помогает в школьной работе». Учитель Н. Бурлак из г. Смела (Черкасская обл.) поднимает вопрос о подписке на «Кругозор»: «Хорошо бы иметь в фонотеке школы, Дворца культуры комплект, чтобы нужный номер мог получить историк, литератор, преподаватель музыки».

Такое мнение наставников юношества. А что думают те, к кому непосредственно обращены страницы «Кругозора»? «Помоему, журналу следует продолжать рассказывать о профессиях», — пишет десятиклассник Александр Янин (г. Воронеж). Александра Южанина из Краснодарского края привлекает профессия железнодорожника, «в наше время очень нужная». Он хочет встретиться на страницах «Кругозора» с людьми, чей труд связан с железной дорогой.

Восьмиклассник В. Новиков из Горьковской области пишет: «С удовольствием слушаю песни-репортажи. Побольше бы таких репортажей-знакомств! В рубрике «Юноше, обдумывающему жизнь» хотелось бы встретиться со строителями — ведь это самая распространенная профессия на земле. После окончания восьмого класса пойду в профессионально-техническое училище, стану строителем».

Хочется откликнуться на просьбу мальчишки, так уверенно распланировавшего свою жизнь. (Вдруг не без помощи «Кругозора»?)

А если не задавать музыканту вопроса о том, кто самый любимый или самые любимые его композиторы? Если попытаться найти ответ, исходя только из репертура?.. Но репертур огромен, в нем великое множество имен и такие дирижерские удачи, что отменяются любые сомнения и хочется сказать: «У него убедительно и своеобразно все, к чему бы он в музыке ни обращался».

Мусоргский, Малер, Мясковский, Шостакович, Бранс, Римский-Корсаков, Хренников, Равель, Чайковский, Скрябин... Можно продолжать этот перечень долго. Но начать, я убеждена, надо с Рахманинова. С композитора, чье творчество сформировало и во многом определило искусство Евгения Светланова, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии.

«Музыка жизни чувств» — так говорил Рахманинов о том главном и лучшем, к чему он постоянно стремился. «Музыкой жизни чувств» хочется назвать творчество Евгения Светланова. Оно всегда

современно, что, впрочем, естественно, когда речь идет о большом художнике. Философская углубленность и тончайшая лирика, романтика и возвышенная простота — грани светлановского излучения музыки. Художник со своими особыми интонациями, со свойственной лишь ему музыкальной речью, с присутствии лишь ему характерными чертами в разных сферах творчества: будь то дирижирование в опере или на симфонической эстраде, будь то фортепианные или вокально-ансамблевые вечера (он отличный пианист), будь то создание собственной музыки (Светланов — интересный композитор).

У него были прекрасные наставники — М. Ф. Гнесин и Ю. А. Шапорин по композиции, М. А. Гурвич — ученица почитаемого Светлановым Н. К. Метнера — по фортепиано, А. В. Гаук по дирижированию...

Однажды, это было несколько лет назад, я спросила Евгения Светланова, не слишком ли долгим путем — в четверть века — пришел он к дирижерскому пульту и так ли уж действительно необходимо

песня-мечта, что так звонко и завораживающе звучит в «Камаринской» или симфониях Калинникова, а если пригласиться, то и в симфонических полотнах Ляпунова, Танеева, Балакирева, Лядова — композиторов, которые, быть может, ярче, нежели у кого бы то ни было, интерпретируемы именно в оркестре Светланова.

При этом я не хочу ни в коей мере сказать, что этот дирижер менее остро «читает» драматизм, конфликтность, сложную проблематику или трагизм в музыке. Отнюдь. Он убедителен и впечатляющ в драматических коллизиях не менее, чем в лирико-романтической стихии. И везде, всегда — стремление «дойти до самой сути». Не случайно же он постоянно ищет, постоянно беспокоен, постоянно находит нечто неожиданное, интересное, необходимое и значительное. Вот, скажем, решил же Светланов через семьдесят пять лет после кончины Чайковского восстановить авторскую редакцию его одночастного Третьего фортепианного концерта. Он и осуществил это и блистательно сверх того исполнил Третий концерт вместе с Энилем Гипельсом. Он продирижировал всеми симфониями Мясковского. Он был первым (если не единственным) из наших дирижеров, кто поставил «Свидетеля из Варшавы» Шенберга и затем «Жанну д'Арк на костре» Онеггера... Да сколько еще таких же примеров можно было бы привести!

У него прекрасные «поющие» руки, «поющая» пластика, вы почувствуете ее, слушая пятую звуковую страницу, которую Светланов открывает своей фортепианной «речью». То будет разговор о Рахманинове, о «Симфонических танцах», которые, думается, меньше двух десятков лет назад открыли очень многим любителям музыки выдающегося дирижера, поэта, певца — назовите как угодно, все равно ошибки не будет: это натура богатая, цельная, многогранная — Евгений Светланов. Тогда ему было чуть больше двадцати пяти лет. Начало. Сейчас — сорок пять. Зенит... И хоть сделано им уже очень и очень много, но многое еще впереди. Светланов — музыкант постоянного радостного открытия, раскрытия и поистине неистощимого потенциала...

Наталья ЛАГИНА

МУЗЫКОЙ

МАСТЕРА
СОВЕТСКОЙ
ПЕСКУСТВА

ЖИЗНИ

5

За роялем в студии «Кругозора»
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии
Евгений Светланов
делится своими размышлениями
о трактовке
«Симфонических танцев»
Рахманинова.

фото А. Макарова

Сколько говорено о руках! Не одну тысячу раз. И я отвожѹ глаза от его рук. Решаю: об этом писать не буду. И слышу голос Родиона Георгиевича Дианова: «Полторы тысячи форм за смену ставил на конвейер, представляете!»

Кто бывал в литейном цехе, поймет, что значит эта цифра. Нарком Орджоникидзе телеграфировал тогда формовщику Дианову: «Горячо поздравляю вас с достигнутыми успехами...» И на «Сельмаше» стали работать по-стахановски.

— Видите, ребята повесили в цехе плакат со словами Горького, — кивает в сторону Родион Георгиевич.

Слова обращены непосредственно к ростсельмашевцам. В последний день августа 1929 года на «Сельмашстрой» приехал Максим Горький. «Чем скорее развернется дело, — сказал он строителям, — тем красивее, мощнее будет жизнь».

Прочел я эти слова много позже в старой, аккуратно переплетенной подшивке газеты «Молот». А вот сам «Ростсельмаш» начался для меня давно, еще в детстве. Помню: мальчишки нашего двора бегали на Садовую смотреть первые троллейбусы. С подрагивающих проводов срывались электрические звезды. Голубые, алые, ни на что не похожие машины гордо несли над ветровым стеклом «единичку» и два слова: «Вокзал — «Сельмаш». В первом никаких загадок для нас не было. Ко второму надо было привыкнуть.

Да, первые ростовские троллейбусы пошли на «Сельмаш». И лучшие люди города тоже отправились по тому, главному в ту

ПЯТИЛЕТКА:
ГОДЫ И МИНУТЫ

МАРКА

пору маршруту. Словом, город оценил важность такого соседства.

И «Ростсельмаш» не оставался в долгу не только перед городом, принявшим его. В хутора и станицы призывали новенькие, полыхающие краской машины. И прежде чем взяться за руль, надо было сесть за парту. Стало быть, это он, «Ростсельмаш», посылал сельских парней на учебу.

Ростовские машины старательно снимали урожай, росли, крепили колхозы, и он, «Сельмаш», строил в селах просторные, добротные дома.

Завод круто поворачивал человеческие судьбы, закалял характеры, воспитывал, растил, учил, строил. Он немало делал для людей, но и от них требовал того же...

Поднятые вверх руки. Огрубелые, со следами металла, с голубыми крапинками ввезшегося угля. Руки, пахнущие свежим зерном... Делегаты Чрезвычайного VIII съезда Советов принимали новую Конституцию СССР. И рабочая рука ростсельмашевца Дианова тоже потянулась вверх...

Уже тысячу раз писано о руках. Вот они тяжело лежат на коленях Родиона Георгиевича. Руки эти ставили на конвейер дымные литейные формы, поднимали мандат депутата на заседаниях Верховного Совета РСФСР, писали конспекты в Московской промакадемии...

Поздней осенью 41-го рабочие руки разобрали завод, погрузили его на железнодорожные платформы. А затем, два года

Фото
А. Лидова,
С. Лидова
и автора

спустя, они же строили «Ростсельмаш» заново. Вот так и пролетели четыре десятка лет. Вся жизнь, можно сказать...

В заводском парткоме прочел я документ: «Областные организации учредили для бригад предприятий машиностроения приз имени Р. Г. Дианова...» Представил себе, как Родион Георгиевич вручает приз победителям. Из рук в руки. Герой первых наших пятилеток — героем пятилетки девятой.

...На главном конвейере «Ростсельмаша» сорвешь голос. А ребята-сборщики, привычные к шуму, свободно разговаривали друг с другом жестами. У доски показателей на маленькой площадке примостились мальчишки и девчонки. Оглушенные грохотом «главного», были они какими-то растерянными: не знали, куда деться.

— Новобранцы, — крикнул мне Анатолий Болдышевский, — пусть послушают! Теперь всех, кто приходит работать на «Сельмаш», приводят для начала сюда...

В белорусском селе Бельничичи никто не мог представить себе, что судьба свяжет с «Ростсельмашем» их земляка. Замечали, правда, что Толя Болдышевский крутится у новых комбайнов. Ну, что ж, на то он и парень. Взрослые, и те, когда колхоз получал новые машины, приходили поглазеть на них, потрогать. Но любознательность Анатолия превратилась в мечту: во что бы то ни стало побывать на «Ростсельмаше»! Как он выглядит, этот завод? После службы в армии Болдышевский подговорил ребят, и вместе они прикатили в Ростов... Завод

„РОСТСЕЛЬМАШ“

показали, а затем предложили: «Оставайтесь! Нам такие нужны!..»

На башне над главной проходной бьют заводские куранты. Анатолий задумался. Вот уже девять лет живет он по этим часам. Быстро время идет. В партию вступил — на «Сельмаше», политехнический институт заочно закончил — на «Сельмаше». Помогает завод...

Новички напряженно смотрели на железный строй новеньких комбайнов «Нива». Отныне «Ростсельмаш» становился частью их жизни. Красивой, мощной, как пожелал когда-то ростсельмашевцам Горький.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»
г. Ростов-на-Дону

О «Ростсельмаше» и комбайне «Нива»
на первой звуковой странице
рассказывают ветераны завода
Р. Дианов (на фото слева),
А. Судницын, Д. Ефимов, И. Войтов
и колхозный механизатор
Ф. Парфийенко.

Документальные репортажи
ведут корреспонденты радио
В. Гейман (май 1933 г.)
и Н. Чеботарев (ноябрь 1972 г.)

Дорогая редакция! Я кончаю десятый класс. Меня интересует работа переводчика. Думаю, что рассказ об этой профессии будет интересен не только для меня. Пылев (пос. Алташово).

Итак, профессия устного переводчика. Какие требования она предъявляет к человеку? Постараюсь назвать основные. Пожалуй, первое — это требования, а бы сказал, психического и физического свойства. Главным из них я считаю абсолютное спокойствие, умение всегда держать под контролем свои эмоции. Это качество необходимо и тогда, когда беседа может невольно сделать вас противником одного из говорящих, и тогда, когда она длится много часов подряд, очень утомляя. И даже когда контекст разговора не помогает вам точно понять смысл, не нужно стесняться переспросить собеседника.

Есть неперенные, само собой разумеющиеся условия профессии — безупречная дикция и хорошая память.

Память не безгранична. Разумеется, если и существуют в мире феномены, способные дословно запомнить двадцатиминутные речи, то эти люди именно феномены. Памяти нужно и можно помогать. Для этого переводчик имеет «загадочный» блокнот, в котором записи делаются («как!» — об этом всегда спрашивают, но тут нет точных рецептов) по собственной системе. Как же! С применением сокращений, пометками акцентов на главных словах, употреблением элементов стенографии и даже математических значков. По методу, выработанному самим переводчиком.

Теперь о требованиях лексических, стилистических и даже, казалось бы, не совсем профессиональных.

Конечно, не стоит брать за перевод, если ты плохо знаешь иностранный язык. Однако, и я хотел бы подчеркнуть эту мысль, гораздо важнее — абсолютное знание родного языка. О, конечно, иностранцы простят вам некоторые огрехи в чужом языке. Но русский слушатель никогда не примирится с вашей плохой русской грамматикой, бедным словарным запасом, неправильными ударениями. Вспомните, как мучительно слушать переводчика, который пусть и правильно, но примитивно излагает мысли говоряще-

АКСИОМЫ ПЕРЕВОДА

3

го, когда утрачивается и индивидуальность мышления, и образность, и особенность лексики. Утверждение «человек — это стиль» во многом справедливо. Перевод, уничтожающий личную стилистику мышления и языка, способен лишить и самого собеседника его ярких индивидуальных качеств.

А во многих случаях — я берусь утверждать это — перевод должен быть лучше оригинала. Судите сами: в ходе горячей полемики люди сплошь и рядом не заканчивают фразу, перебивают друг

друга, не находят точного выражения. Но переводчик обязан быть точным — в высшем значении этого слова. Мысль должна быть донесена без потерь.

Зрудированный человек всегда интереснее неважды. Это аксиоматично. Но для переводчика в этой аксиоме есть свой смысл.

Не говоря о том, что любая, даже узкопрофессиональная беседа всегда может выйти за рамки обсуждаемой темы, современные отношения в обществе соединяют в себе самые различные сферы человеческого бытия. Поэтому, скажем, в политический разговор входят и вопросы культуры, торговли, искусства. А популярная ныне тема охраны окружающей среды? Раньше она занимала только специалистов. А сегодня любой политик может заговорить об этой важнейшей для человечества проблеме. И, значит, переводчик обязан обладать (ну, разумеется, не универсальными) знаниями по самым разным и подчас неожиданным вопросам, чтобы не оказаться профаном, неспособным «прочесть» суть беседы.

Невозможно в коротком очерке рассказать о всех аспектах профессии. Как и каждая специальность, моя требует годов опыта и тонов книг. Я и не берусь давать ответы на все вопросы, которые неизбежно встанут перед вами. Это только некоторые замечания.

К сказанному, пожалуй, стоит прибавить вот что: речь переводчика (особенно во время перевода публичных выступлений) должна быть эмоциональна. Не нужно «играть из всех сил», но упаси вас бог бесстрастно бубнить, говорить тихо и невразумительно. В речи с трибуны или у микрофона эмоции почти равнозначны со смыслом произносимого. И убей эмоцию — зал останется равнодушным. А людское равнодушие несовместимо с нашим делом. Ведь переводчик — связной меж языками, меж людьми, меж их заботами и самим существованием. Особенно в наш век.

Предназначение это увлекательное, благородное и ответственное.

В. СУХОДРЕВ,
советник МИД СССР, переводчик

А чтобы ощутить «в действии» то, о чем рассказал В. Суходрев, послушайте третью звуковую страницу.

...едемся с большой просьбой — поместите, пожалуйста, в «Иллюстраторе» полонезы Огинского и расскажите об этом композиторе. Константин (г. Ташкент).

В 1822 году Михал Клеофас Огинский, именуемый также Михаилом Андреевичем, покинул Россию и отправился в Италию, как он объяснял, для лечения. Он ехал по Европе не спеша, из города в город, овеянный легендами и славой, всюду вокруг него звучала музыка — его полонезы. Слово это означает в переводе «польский» — польский танец. Но просто ли танцы его, Огинского, творения? Будь они не более чем танцы, вряд ли удостоились бы и легенд, и славы, и бессмертия в благодарной памяти потомков...

Жизнь Огинского начиналась беспечно. Мальчик постигал науки и искусства — изучал историю и математику, естествознание и языки, античных и новых авторов читал в подлиннике, сам писал стихи. Из поэтов едва ли не самым его любимым был Данте. Он рано начал заниматься музыкой, играл на скрипке и фортепиано. Первым его наставником был Юзеф (Осип) Козловский, впоследствии известный композитор, автор музыки к спектаклям петербургских театров, песен, полонезов, среди которых широко известен полонез для хора и оркестра «Пром победы, раздавайся» (на слова Державина), долго исполнявшийся как русский гимн. Огинскому была уготована блестящая карьера: с девятнадцати лет он на важной государственной службе, в двадцать пять отправляется с чрезвычайной миссией в Голландию и Англию.

Год 1790-й. Во Франции революция. В порту Кале, ожидая судна на Британские острова, молодой польский посланник слушает революционные песни. Вряд ли он предполагает, что скоро пробьет и его час...

Восстание 1794 года в Польше против царского самодержавия, возглавленное Тадеушем Костюшко, застало Огинского в Вильне на посту «великого подскарбия» — государственного казначея Литвы. Огинский объявил, что «приносит в дар родине свое имущество, труд и жизнь», древний княжеский герб он заменил щитом с девизом «Свобода, постоянство, независимость». В дни восстания он командовал отрядом — стал, по его словам, «солдатом польской революции». Патриотам оказались нужны не только ум и знания Огинского, не только его храбрость и верная любовь к отечеству, но и его «искусство дивное»: «Я сочинил марш для моего отряда стрелков со словами, написанными применительно к этой музыке, и с тех пор этот марш исполнялся во многих полках. Я писал также военные и патриотические песни, которые пользовались большим

успехом, так как возбуждали храбрость, энергию моих товарищей по оружию».

«Свобода, постоянство, независимость» — эти слова стали девизом Огинского и после поражения восстания. Он отказался подписать покаянное письмо, адресованное победителям: предпочел изгнание, бедность, когда подчас нечем заплатить даже за ночлег и стол, изнурительную опасность разоблачения, поддельные документы, заставляющие позабыть собственное имя. В эту трудную пору он пробрался в Италию, в Равенну, чтобы поклониться гробнице своего любимого Данте, как и он, познавшего тяжесть изгнания:

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням...

Но музыки Огинский никогда не оставлял, нередко импровизировал, по его признанию, «темы, фантазии и мелодии глубоко меланхолические», потому что «был погружен в мрачнейшие мысли и не раз предавался отчаянию».

Однако ни жизненные тяготы, ни мрачные мысли, ни даже отчаяние не вынудили его прекратить борьбу. В Вене и Риме, в Константинополе и Париже появлялся Огинский (он же «Михаловский», «Рачинский», «гражданин Жан Ридель»). Цель его поездок, встреч, переговоров неизменна: добиваться независимости для Польши. В 1802 году Огинский приехал в Петербург и на долгие годы связал свои чаяния с политикой Александра 1. Шло время, ненадежность слов и обещаний российского самодержца становилась все очевидней...

И вот Михал Клеофас Огинский направляется во Флоренцию. Он объясняет, что лечится, но знает, что навсегда.

Жизнь, полная трудов и тревог, осталась позади. Огинский хочет написать книгу о своей жизни. Книгу о своей родной Польше, которой он служил всегда, о лучших ее гражданах, «которые предпочли быть скорее сосланными в Сибирь, чем отречься от патриотических идей». И о своей музыке, которую он до единой ноты посвятил своей отчизне и своим согражданам. Он проезжает разные города, они встречают его музыкой — польскими танцами. И в каждом полонезе, будто в толстой книге, — судьба страны, народа, его, Огинского, судьба.

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

Два полонеза М. Огинского вы услышите на шестой звуковой странице. М. Федорова исполняет полонез до минор, симфонический оркестр под управлением С. Самосуда играет популярный полонез «Прощание с родиной».

СТРАНИЦЫ

КЛАССИКИ

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

Пустыня и человек... Диалог, который продолжается многие века. И неизвестно, кончится ли или просто изживет себя, когда не будет на земле пустынь. Кто знает!

Но тогда спор шел о другом. Человек не покорял пустыню. Он просто пытался максимально долго выжить при ограниченном количестве провианта и воды. Исследовалась ситуация аварийной посадки космического корабля. Несколько человек поселились в песках и стали просто жить. Нет, им не грозила гибель. Где-то совсем рядом находились врачи со всеми современными средствами помощи. Только на случай смертельной опасности. А так все по-настоящему: зной, песок и долгое-долгое время.

Те двое были в чем-то схожи. Оба крепкие, статные. Когда их проверяли перед экспериментом, они были почти равны по своим физиологическим характеристикам. Лишь чуть-чуть в том или дру-

гом были отличия, но это не имело решающего значения. Зной терзал одинаково обоих, и у обоих был равный запас воды и пищи...

Два человека. Первый и Второй. **Первый.** Как-то незаметно подкралась слабость. Мышцы стали вялыми и непослушными. Перед глазами ползли разноцветные круги, слова уже не проходили сквозь пересохшее горло. Назревала катастрофа теплового удара...

Он вышел из эксперимента. **Второй.** Он прожил в этих условиях намного дольше. С какого-то момента процессы в его организме стабилизировались и потекли очень расчетливо, будто вступив в противоречивое равновесие между адской жарой и человеческими пределами.

Он победил, выдержал испытание. Их исследовали десятки специалистов. Были замерены сотни самых разных показателей, и мнение врачей было единым:

водно-солевой баланс у Первого нарушился раньше, чем у Второго.

Это было физиологическое объяснение победы. Но за ним стояло другое. Оба были равны перед пустыней. Второй, победивший, сразу же определил: он один на один с природой; нет никакой помощи, и он должен победить.

Другой признался психологам — уже потом, после эксперимента, — что где-то краем сознания он опирался на близость врачей, на помощь всей спасательной группы. Он словно забыл, что главная сила в данном случае была в нем самом, только в нем самом — в его воле к победе, в его умении ждать, подчинять себе самого себя. И он проиграл...

Об этом поединке с пустыней рассказывал на одной из встреч с журналистами дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Георгий Береговой.

Воля к победе, умение ждать и подчинять себе самого себя — как важно это в сражениях тяжелых и легких!

Когда-то французский летчик Анри Гийоне потерпел аварию в Андах. Без специального снаряжения замерзал в снегах, несколько суток карабкался по скалистым склонам... Потом он сказал своему другу Антуану Сент-Экзюпери, что вынес нечеловеческое, прежде чем снова взлететь в небо.

Взлететь в небо...

ВЗЛЕТНАЯ ПОЛОСА

Нравятся мне многие разделы журнала, особенно «Юноше, обдумывающему жизнь». Я окончила школу в 1972 году, поступала в авиационный институт, но не прошла по конкурсу. Вторая попытка была также безуспешной. Пришлось поступать в другой вуз. Сейчас учусь на первом курсе политехнического института. Возможно, когда-нибудь и попаду хотя бы в авиапромышленность. Я с детства мечтала посвятить свою судьбу авиации. Была бы парнем, ушла бы в летное училище, но, увы, ничего не поделаешь... Л и д а Л. (г. Жигулевск).

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ
ЖИТЬЕ

2

Однажды в маленьком аэропорту Абакана, центра Хакасской автономной области, я разговорился с Тамарой Вавиловой. Я и до этого знал твердо, что «летать» — мечта многих сверстниц моей новой знакомой. И почти так же твердо: мечта эта из тех, что на всю жизнь остается «голубой».

Но вот Тамара Вавилова только что закончила очередной полет. И, слушая рассказ комсомолки-пилота о пути к осуществлению мечты, я вспоминал эксперимент с пустыней и отважного французского летчика. Почему?

Это станет понятным, если вы поставите на проигрыватель вторую звуковую страницу и послушаете пилота скромного «АН-2», с которым свела меня судьба в аэропорту Абакана.

Владимир ВЫСОКОВ,
специальный корреспондент «Кругозора»

Красноярский фотокорреспондент А. Токарь вместе со снимком Тамары Вавиловой прислал записку: «Это оказался «диктатор», которому важна прежде всего авиация.

Даже как построить кадр, я получил от нее прямое наставление.

Поистине, характер определяет выбор профессии, и в то же время профессия влияет на характер человека».

В 1972 году вышла книга
В. Ф. Пановой

«Заметки литератора».

Незадолго до смерти
она закончила небольшую работу,
которую назвала «Заметки
литератора, тетрадь вторая».

Наблюдения над литературой,
источники творчества писателя,
его кровная связь со временем
и страной — темы этих заметок.

Трудно сказать, что
Вера Федоровна любила больше —
поэзию или историю. Наверно,
все-таки поэзию. Но и поэзия
и история были для нее слиты
в единое целое, составляли
ту основу, без которой
невозможно ни жить,
ни работать, — Родину,
с ее судьбой, с ее языком,
с ее землей. Заметка «Бородино»
именно об этой неразторжимости
русской поэзии, русской
литературы и русской истории.

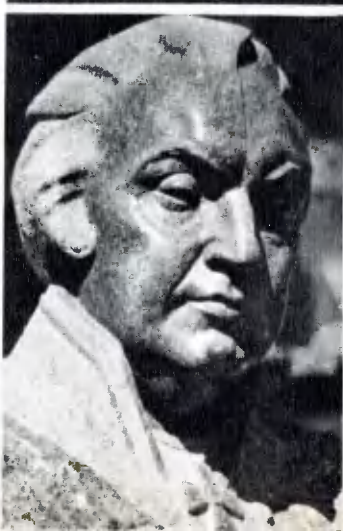
ВЕРА ПАНОВА

БОРОДИНО

РОДИНА МОЯ

Откуда приходит к крохотному человечку, еще не знающему даже букв, то прочное и вечное ощущение Родины, без которого я, как мне кажется, не жила ни дня от 4—5 лет и доньше, без которого, думаю, и невозможно жить... Лично у меня это ощущение возникло от раннего чтения стихов первоклассных русских поэтов. Особенно внедрилось оно, это ощущение, при знакомстве с лермонтовским «Бородино» и с замечательной строчкой почти забытого ныне Никитина: «Это ты, моя Русь державная». Конечно, более половины слов было непонятно маленькой девочке: «брат мусью», «картечь», «лафет», «кивер», «булат», «клятва», «редут», «драгуны», «улань». Особенно загадочным казалось слово «державная», взрослые не сумели мне его растолковать, но маленький мозг вложил в него содержание, означающее власть (от слова «держать»), крепкую основу всего, что существует на какой-то громадной земле, где за спиной моей (юг) волнами ходит созревший хлеб, а на севере ледяная пустыня и летящий снег.

Приходили другие стихи — Шевченко «Садок вишневый коло хаты», опять с нерусскими словами: «Хрущи над вишнями гудеть». Но кто может теплым вечером гудеть над вишнями? Жуки, конечно, угадала я слово из другого, не своего, но такого близкого языка. И так оно и катилось дальше, это найденное где-то на заре жизни драгоценное кольцо, являлось в свою пору объяснение непонятного, возникал живой интерес и к родному языку и к родной истории, то есть к са-

ним основам живой любви. Не потому ли я уже в более чем зрелые годы стала пробовать писать исторические повести, близко принимая к сердцу не только создателей Олега, Ольгу и Святослава, но и Василия III, жегшего людей на кострах, и отвратительного, мелкого корыстолюбца Феодорца с его женой, и всякую черточку в их жизни, не имевшей ничего общего с моей и ушедшей навеки.

И, конечно, совсем другими глазами я бы читала и перечитывала «Войну и мир», не сблизилась бы с героями Л. Н. Толстого так крепко, так навсегда, не знай я задолго до этого двух мало понятных строчек: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром...» И меня огорчает, что сейчас, в наше время, большинство детей начинает получать патриотическое воспитание не с дивных стихов великих наших поэтов, а по большей части по каким-то неважным стихикам, неспособным удержаться в памяти ребенка и взволновать его или хотя бы привить ему вкус к поэзии и вообще к знанию. Стихам, где рифмуются слова из газетных передовиц и ничего нет для развития поэтического воображения. А для украшения упоминается то сосна, то березка, то дуб или черемуха. Разумеется, это хорошие, полезные и чрезвычайно родные деревья. Но вот по углу деревянного дома сбегает с крыши желоб, а под желобом стоит кадушка для дождевой воды. Ее нижний обруч врезается в землю кольцом, а подо дно подложены камушки либо кусочки кирпича. Они мокрые, и вокруг

них всегда стоит маленькая прозрачная лужица дождевой воды. Так вот для меня эта самая обыкновенная кадушка, и камушки, и ровно ничего не значащая лужица — тоже Россия, моя Россия, держащая и бессмертная. Или взять одуванчик в пору его зрелости, когда он уже носит на своем стебельке пуховый шарик и ветер разносит по полям его крохотные парашютики из чего-то такого белого и нежного, что для этого не найдешь и слов... И это тоже для меня Россия, и хрипучие часы на моем столе — Россия, и я их не обменяю ни на чьи чужие, будь те хоть из чистого золота. Потому что все это я, это клетки, из которых я сложена. Это мои нерушимые милые столпы, завоеванные потом и кровью моего народа:

Ведь были ж схватки боевые.

Да, говорят, еще какие!

Недаром помнит вся Россия

Про день Бородину!

И смерть не страшна, когда вспомнишь, что ляжешь в эту землю, на которой растет этот одуванчик, и не высыхает эта алмазная лужица, и миллионы, в том числе и я, работают кто как может, чтобы расцветала и хорошела жизнь.

Публикация Б. Вахтина

Бородино. Поле русской славы. К этому священному клочку земли поистине никогда не зарастет народная тропа». Летом здесь особенно многолюдно. Юные праждане ношей страны, может быть, впервые прикасаются здесь к сапой истории.

Фото
Л. Лазарева

Гитара Шаляпина. Для нас она ценна не только как реликвия, память о великом певце, но в известной мере и как соавтор его творчества. Ведь именно ее удивительное звучание вплета-лось в неповторимый шаляпинский бас, когда пел он русские романсы. И те-перь, много лет спустя, мы с волнени-ем вслушиваемся и в голос Шаляпина и в перезвон этой гитары с черного граффитонного диска.

Шаляпинская гитара выставлена в Му-зее музыкальной культуры имени М. И. Глинки. Трудно даже представить, в скольких руках перебивал инструмент, прежде чем попал к Николаю Осиповичу Семенову, артисту Росконцерта. Он-то и подарил «семиструнку» музею...

Гитара, рассказывает Николай Осипо-вич, — древнейший музыкальный инстру-мент. Она завезена в Европу маврами еще в VIII веке и стала национальным инстру-ментом в Испании. Затем гитара появилась во многих странах Западной Европы. Осо-бую популярность она получила на рубе-же XVIII и XIX веков. Немало сделали для этого известные композиторы Шу-берт, Боккерини, Вебер, Паганини... Они не только прекрасно владели ин-струментом, но и написали для него немало произведений.

В России распространению ги-тары способствовал компози-тор Андрей Осипович Сихра. Он виртуозно играл на ги-таре, писал для нее. Сих-ра по праву считается основателем русской ги-тарной школы. Ценят-ся инструменты, сделан-ные мастерами трех школ — испанской, вен-ской, русской. Венцы и русские умельцы стави-ли на гитары семь струн. Отсюда и особый строй. У испанцев, как правило, только шесть струн... Каких только не увидишь гитар в квартире Семенова!

Их свыше трех десятков. Специалистам неизвестно более полное собрание старинных инструментов. И все отмечены особой печатью. Одни принадлежали зна-менитым музыкантам, другие изготовле-ны великими мастерами. На этих играли Егор Поляков и Николай Кручинин... Вот массивная гитара старейшины масте-ров венской школы Штауфера. Этой ка-салась волшебными руками испанский ма-стер Паррес. Гитары русских умельцев — Крайнощекоева, Бурова, Батона...

Большие и маленькие гитары. Из волни-стого клена, палисандра. Инкрустиро-ванные перламутром, черепаховыми пла-стинками. Грифы из черного дерева. Се-ребряные лады. Колки из слоновой кости. Инструментом этим не один десяток лет. И все они вновь о-рели та неповори-мое звучание, кои наделили их при рождении.

Становился вдохновением, не меньшим, чем делали это старые мастера, гитары реставрировали мастера современности — Феликс Акалов и Игорь Емельянов.

И в каком бы виде они ни попадали в эту квартиру, всегда дороги хозяину. Ведь до той поры, пока вновь зазвучит ее воскрешенный голос, проходит порой не один, не два месяца. Что может быть прекраснее такого ожидания! И потом выясняется: у каждой гитары своя ду-ша. Недаром говорится «затронуть сер-дечные струны». Привычное выражение, если вдуматься, намекает и на одушев-ленность гитары...

Трудно даже как-то назвать все это коллекцией. Слишком уж обыденное и не совсем точное слово. Можно ли выразить им страсть и подвижничество, заполнившие всю жизнь человека?

Все гитары в коллекции Семенова — действующие. Музыканты — любители и мастера-виртуозы — приходят к нему, чтобы поиграть, послушать необыкно-венные инструменты. И вот они снова в своих черных строгих футлярах. Так удобнее в дороге.

Скажем, краснощековскую, с двумя гри-фами (двенадцатиструнную!), хозяин на-строил для вечернего концерта в боль-шом зале. Другая, тихая (мастер Батов наделил ее удивительно мягким тембром), будет лучше звучать в малом. Словом,

у каждой гитары своя песня. Николай Осипович открывает фут-ляр, достает инструмент. — Помните строку из песни: «Со-коловская гитара до сих пор в ушах звенит»? Вот эта гитара...

Н. ЧЕРКАШИН

На седьмой звуковой стра-нице, которую подготовил специальный корреспон-дент «Кругозора» Вален-тин Скорятин, звучат гитары: Н. Семенов рас-сказывает о своем увле-чении; артист Москонцер-та С. Орехов играет на провозимых на темы ста-ринных русских роман-сов и цыганских песен.

Фото Л. Лазарев

СЕМЕНОВСКИЕ

ГИТАРЫ

Весной нынешнего, семьдесят четвертого года Брель прилетел на два дня в Ниццу. Канадец Дени Эру снимал там фильм «Жак Брель жив...». Тезисное название было подтверждено съемкой и записью двадцати восьми брелевских песен, исполненных певцом по-английски. И первой в этом ряду была его старая поэма-галисман, принесшая когда-то Брелю удачу. — «Не покидай меня».

...Песенное время словно оговорилося для него. Стрелки еще скользили по циферблату в шестьдесят седьмом году, а в шестьдесят восьмом почти застыли. Концерты прекратились. Лишь ноты — «малый формат» — по-прежнему продавались, выходили пластинки, записи передавались по радио. «Как будто я и в самом деле был еще жив», смеялся Брель.

Жак Брель: "Я ЖИВУ В ЧЕМОДАНЕ"

Он рвался вверх, вбок, вперед. Рвался от своих же оснащенных неологизмами строчек, из которых он, как из кубиков, выстраивал свою пародийную конструкцию мира. Он уходил от длинных, вылезавших за пределы хронометража песен-поэм. Он устремился к живой, не пластиночной — театральной сцене, к выщербленным подмосткам. «Кости и мясо показывать, — как он говорил, — в «Человеке из Ламанчи».

Тогда-то я и видел его в театре на авеню Марсо, измученного, но счастливого. «Боже мой, — хрипло говорил он, выводя гримированным карандашом круги под глазами своего двойного персонажа Сервантеса — Дон Кихота. — Боже мой, вы играли когда-нибудь в школьной футбольной команде? Какое блаженство! Там все зависит от всех. А в «Олимпиаде» я зави-

сел от самого себя. Монолог. Ответственность перед самим собой одинокого моск, раскладывающего свою жизнь перед публикой за один час».

Но для Бреля, даже для него, театр был труден. Тут он впервые в жизни ушел на десять метров от микрофона. Тут была не студия, а сцена. Ему показалось, что он в одно мгновение все выиграл и все проиграл. Выиграл Слово. Проиграл (будто бы!) Песню. «Но ведь это прекрасно — проиграть так, — настаивал он. — Проиграть, как Дон Кихот».

«Человек из Ламанчи» долго держался. Музыка Ли Облетела мир на крыльях брелевского голоса, его несравненной интонации, и эхо звучит еще. Антреприза, однако, оказалась тяжелой и в какой-то степени превращалась для Бреля в моральную катастрофу. Он не

едва лишь он это почувствовал — бросился в кинематограф. Режиссура фильмов «Франц» и «Леон» пришла потом. Сначала он кинулся в актерское дело. «Профессиональный риск» не был для него профессиональным риском, так же как и «Мой дядя Бенжамен» и «Убийцы именем порядка». Он все время повторял: «Актер я плохой, но. ежели есть идея...»

Идея — вот что было важно для него. И в театре, и в фильме, и в песне. В песнях — конденсат идеи. Вот давняя — «Бабушка» — о богатой, злой и деспотичной старухе, чьи внуки смотрят на мир сквозь прорези ее дорогих кружев. Поздняя — «Везуль» — о суете сует, о ярме этикета, выхолащивающего жизнь. Но главная брелевская идея — поиски человеческого в человеке, затянуто-

мирок, простирающийся от окон до ворот. Призыв к мечте и решимости. Мечта — Дон Кихот. Решимость? «Берите хотя бы трех мушкетеров, заставьте скакать их как угодно далеко, — пояснил он. — Почему именно трех мушкетеров? Очень просто. Их знают абсолютно все. А за тем, кого знаешь, легче идти, ползти, бежать. Это символ популярности в народе». Все читали Жюль Верна, и Брель ставит в Брюсселе — на своей родине — мюзикл «Из пушки на Луну».

Творческие «карьер» вычерпывались один за другим.

«Люблю опасность», — говорил он мне когда-то. Я вспомнил эту фразу, когда узнал, что Брель занялся воздушным пилотажем, а потом вышел на маленьком паруснике в океан, поплыл к Антильским остро-

вам. «Опасность, — продолжал он, помолчав. — Видите ли, когда абсолютно исчезает ощущение страха — ощущение истинно человеческое, тогда, пожалуй, и смерть близка».

Раньше на сценах громадных мюзик-холлов и узеньких кабаре («Узко — это хорошо, — объяснял Брель, — глаза не разбегаются») каждая песня была для него как бы шагом вверх из окопа. Потом это ощущение исчезло, и он покинул эстраду.

Но вот проходит время, идут годы, и Жак Брель все чаще и чаще оглядывается назад, в шестьдесят восьмой год, всматривается в застывшие звездочки своих забытых на полпути песен. Всматривается, пока, как он сам говорит, живет на колесах, «в собственном чемодане».

Артем ГАЛЬПЕРИН

Борис СЛУЦКИЙ

ДВЕ ЭЛЕГИИ О ТАНЦПЛОЩАДКЕ

1

Все забыл.
Не смогу «умывальнику»
просклонять во всех падежах.
Негу вечеров танцевальных
вспоминаю, как палишах.

На сосновом полу танцплощадки
ноги бились в ритме души.
Были веселы эти лошадки.
Были козочки те хороши.

Я-то чаще сбоку вставал,
танцевать не весьма обучен;
на сосновом полу зыбучем
шел, гремел, утопал карнавал

Куролесила карусель
на зыбучем полу сосновом,
и парад перешитым обновам
катавасил и колесил.

Все забыл.
Куда Волга впадает
и что лошади чаще едят...
Парадируют и упادают,
выступают и дальше летят.

приглашают на тур фокстрота,
проявляют воспитанный пыл,
повторяют чужие остроты.
Это — помню.
А все — забыл.

Все забыл. Помню только стук:
по сосне колотит каблук.

2.

Танцы в Парке Культуры и Отдыха.
Целый вечер пляшем без отдыха.
И культуры особенной нет.
Просто пляшем и очень довольны.

До войны это было. Довольно
лет за много. За множество лет.

Фокстротировала и вальсировала
наша молодость и компенсировала
пересолом — недоед,
и забываемы туры
в Парке Отдыха и Культуры,
домодельный полубалет.

Как мы радовались друг другу!
Как мы жали друг другу руку!
Как мы долго смотрели вслед
белым кофтам, черным юбкам,
Муркам, Шуркам, Валькам, Любкам,
словно в мире красивее нет.
Это был наш удел и выдел.
Лучше их никого не видел,
хоть прошел с тех пор целый свет.
Плечи худенькие дрожали,
а глаза решали, решали
и, решив, давали ответ.

Я видел города в огне
четыре года на войне,
а ныне дерево в окне
заметилось впервые мне.

Оно стояло там давно,
но долго было все равно.
С сегодняшнего дня оно
в сугроб души занесено.

Какие листья в нем кипят!
Как облетают в листопад!
О, как заносит снегопад
его. От головы до пят!

Я столько в жизни упускал:
веселость нив, угрюмство скал,
и тундры ледяной оскал,
и то, что всадник проскакал.

Но дерево, каждой весной
блистающее новизной
и поникающее в зной,
но дерево в окне — со мной

Белый день всю ночную тьму
разбеляет, разъясняет.
Совершенно понятно ему
то, что ночь затемняет.

Очень быстро идут на дно
ощущенья, сознания —
все, что ночью вознесено:
угрызенья, воспоминанья,
и смывает горячий душ
страх — с сердец
и слабость — с душ.

А холодный утренний ветер
выдувает печаль легко.
При холодном утреннем свете
видно, что до конца — далеко.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Нежная конница соловьев
цокает, щелкает, колет сумрак,
лучшую кровь из сердечных сумок
крупными каплями льет, льет, льет.

В небе, где нет скорбей и болей,
тихо, как стрелки часовые,
медленно
звезды творят балет.
Молча на них глядят часовые.

Только ручья круглосуточный ток.
Только вестей с новостями течение
по проводам,
и обычный итог
дня.
Ежедневное изученье.

Рисунки В. Семенова

Глеб ГОРБОВСКИЙ

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ПИЛОТА

«Остаюсь на земле...»
Эта надпись настолько внезапна!
На могиле пилота,
как явственный голос — строка.
И не дрогнет пропеллер
у времени в ласковых лапах
на могиле пилота,
одетой в мучные снега.
И хотя на снегу
след к могиле тропой не вился,
ни царапины не было,
разве что — птичий пунктир, —
он лежал на земле,
на которой когда-то родился,
на которой сумел
полюбить этот бешеный мир:
этот снег, этот лес,
этих птиц заводной балаганчик,
это мудрое небо
и грустных под старость людей..
«Остаюсь на земле» —
очень правильно сказано,
мальчик...
Жаль, что ты поспешил...
(Этот век любовных скоростей!)
Жаль, что нету цветов
для тебя... Понимаешь: зима тут.
— Все еще впереди!
Это я говорю о весне...
И вращался пропеллер,
обнявшись с землею крылатой.
и светились, как рыбы,
иные миры — в глубине.

КРАСИВЫЕ ЛЮДИ

Они проходят в наших судьбах,
как корабли, сверкнув бортом,
обдавая улыбкой!.. И, по сути,
мы знаем их всегда — потом...

Потом, когда на волнах жизни
растает их и свет и след...
И только тот, нетленный, признак
еще сквозит, хоть плоти нет.
...Красивый ум, красивый тенор.
красивый профиль или торс —
они для нас, что в доме — стены.
А что за ними — вот вопрос?!
Но для проверки — время нужно.
Пройдет корабль, утихнет шум.
И мир очнется: это ж — Пушкин!
Огонь его души и дум.
Взлетит полотнище косое,
мир ахнет ларусу вослед!
А это — оглянулася Зоя
из тех, из всех прошедших лет...
Торчит ладья на гребне глуби,
гребца не видно, виден — бег!
А это тот, кого ты любишь,
красивый тоже человек...
Они пронесются, блистая,
и нет движенью их конца...
И оседает красота их
в чертах российского лица

БЛОКАДНАЯ ДВЕРЬ

Ледяная спит скала
на дворовом днище.
Тень последняя ушла
в вечность из жилища.
Все. В квартире тишь теперь.
Ни души, ни гнома...
Лишь выпрыгивают в дверь
звуки метронома.
В первый раз не заперта,
дверь стояла настезь.
Из ее большого рта —
ни дымка, ни «здрасьте»...
Ветер, жалок и бескрыл,
забредая с панели,
дверь несчастною закрыл
через две недели.
Вот и все. И номерок
на эмали пыльной...
Мир остался. А мирок
лопнул, словно мыльный.
Мир за окнами сиял
инеем и верой!

Мир остался. Устоял.
Был — больших размеров.
...И теперь не ты, не я —
вместо прежних, вместо! —
воротилась тень твоя
в каменный подъезд тот.
Дверь оступала. А день
к солнцу был нацелен!
И прошла сквозь нашу тень
тевочка с портфелем.
Стало весело, поверь:
фартук... две косички...
И смеялась наша дверь
тоненько, как птичка

ИЗБРАННИК

Ступать дряхлеющею рошей
среди стволов и птичьих стай
и думать: в мире стало проще,
ведь обнажилось столько тайн...
Идти, сединами блистая,
и снисходительно, как бог,
благопристойными устами
благословлять следы эпох...
И вдруг очнуться! Мигом. Разом.
И, глядя в вымокшую рожь,
прочь отодвинуть чванный разум
и встать, как дерево, под дождь.
Живу! Спасибо... Силы — вдосталь.
Всего и надо: не стенать.
Да возле старого погоста
не помрачнеть, а шапку снять!
Тебе ли, дурень, быть в обиде?
Еще на свете столькож нет,
а ты любил и ненавидел,
а ты уже встречал рассвет.
Другие — камнем спят, намеком,
болотной ряской на воде,
а ты уже устал, измотан...
А чем, скажи ты мне, и где?!
Здесь, на земле, где даже слезы
неповторимы?!
Врешь, балбес...
Глотай с улыбкой лютый воздух.
неси с веселием свой крест!
И до последней капли мысли,
до вздоха крайнего в груди
блудно восторг, избранник жизни.
и тише мыши уходи...

Нам хочется увидеть в журнале и услышать знаменитых фигуристов и музыку, под которую они танцуют на льду. Учащиеся педучилища Л. Рецкова и Е. Байдалина (Ростовская обл.).

МУЗЫКА ТЕЛЕЭКРАНА

Без нее в «большом свете» спортивных дворцов фигуристы, как правило, не появляются. Перед началом соревнования они ждут (и иногда малейшая задержка бывает причиной драматических ситуаций), ждут момента, когда прозвучит музыка. Смонтированная — о столь точном хронометраже никогда не заботится ни один композитор, — она открывает спортсменам относительно короткую, пяти-, четырех- либо двухминутную, дорожку к успеху.

И вот на десятой звуковой странице «Кругозора» звучит музыка трех чемпионов мира — Людмилы Пахомовой, Александра Горшкова и Яна Хоффмана.

В разных обстоятельствах на многих состязаниях приходилось мне видеть Яна

Хоффмана. Ранним утром за «вычерчиванием» обязательных фигур, когда он внимателен, собран и будто отрешен от всего происходящего вокруг. А вечером, когда кипит и волнуется огромный стадион, Хоффман праздничен, раскован до предела, свободен в движениях — ведь здесь он должен выразить себя, свой стиль, свою манеру. И кажется, что в непрерывном полете надо льдом, а затем в каскаде сложнейших прыжков спортсмен не знает усталости.

Вот он в прощальном поклоне останавливается в центре арены, публика щедро аплодирует восемнадцатилетнему чемпиону. И мы будто еще слышим песенку «До свидания, мама», видя, как Хоффман и его тренер Юта Мюллер улыбаются перед телекамерами.

А теперь в ожидании музыки застыли Людмила Пахомова и Александр Горшков. Танец узнается безошибочно. «Кумпарсита» — танго, ставшее популярнейшей мелодией во многих странах мира именно благодаря нашим замечательным

ЗНАКОМСТВА

ОБЩАЯ ПЕСНЯ

Я и мои друзья по техникуму очень любим песни в исполнении ансамбля «Цветы». Будем признательны, если напишете об этом коллективе. Татьяна Крючкова (г. Челябинск).

Пока рано говорить о большой популярности ансамбля, так как он, по словам самих участников, лишь начинает «находить себя». Но самое главное, по-моему, то, что ребята хорошо понимают: секрет любого успеха — в кропотливом и вдумчивом труде. Частые и долгие репетиции, повышение индивидуального мастерства и, конечно, искренность творчества — вот что двигает ансамбль. Песни «Цветов» оригинально аранжированы, выразительно инструментальное исполнение, трогает своей лиричностью вокал.

Ведущий солист ансамбля — Александр Лосев. Он же играет на бас-гитаре. Саше 24 года, он инженер. Пел в художественной самодеятельности, аккомпанируя себе на гитаре, но относился тогда к своему увлечению не более серьезно, чем к спорту, выступал за сборную института по фехтованию. Началось все со знакомства с филологом и гитаристом Стасом Наминым. Через полгода Саша уже владел бас-гитарой не хуже, чем ранирой, а после института увлекся музыкой серьезно.

А. Лосев и С. Намин пробовали разные варианты состава. Играли с медной группой, пытались играть только инструментальную музыку, обрабатывали народные мелодии, играли в джазовой манере. И только в 1973 году появился вокально-инструментальный ансамбль. Их стало четверо: Стас Намин (руководитель), Александр Лосев, Сергей Дьячков и Юрий Фокин.

Сергей Дьячков — пианист ансамбля. Ему 29 лет. После окончания музыкального училища (по классу фортепиано) он занялся композицией, написал много песен. Некоторые из них стали популярными: «Алешкина любовь», «Школьный бал» и другие. В ансамбле Сергей поет сольные партии, играет на фортепиано и электрооргане, но кроме музыки у него есть еще две «страсти» — футбол и шахматы.

Ударник ансамбля — 22-летний Юрий Фокин. Он по несколько часов в день сидит за ударной установкой. Барабаны притягивают его, как магниты. Обладая современным чувством ритма, фантазией, он уже сейчас отличается своей манерой игры и органично вписывается в колорит ансамбля.

Что же явилось отправными точками при создании ансамбля? Вероятно, стремление к мелодии развитой, богатой вниманием к слову, нежелание идти по пути подражательства. Ансамбль «Цветы» работает, ищет, пробует, и это говорит о его участниках как о людях пытливых и увлеченных.

Арно БАБАДЖАНЫН, народный артист СССР

мастерам. Их «Кумпарсита» — шедевр танцевального искусства на льду. Каждый жест, шаг, каждая поза точны и безупречны. Этот танец — словно калейдоскоп быстро меняющихся ритмов; еще мгновение — и иной темп, иное настроение. Когда Пахомова и Горшков исполняют это танго, мне кажется, что на залитой солнцем площади бурлящий карнавал на мгновение замер, чтобы посмотреть танец «царицы бала» и ее партнера, а затем начинают понемногу «подтанцовывать» солистам и зрители. Они отбивают ритм, подпевают, хлопают...

Разумеется, Пахомова и Горшков прежде всего спортсмены, и исполнение их решено спортивными средствами. Но и голос хореографии в их искусстве настолько оригинален, что хочется назвать их спортсменами-актерами, спортсменами-танцовщиками в полном смысле слова, наделенными сверх всего и еще одним качеством — душевной щедростью.

С. КОНОНЫХИН,
мастер спорта

Фото А. Лидова

Вы поставите на свой проигрыватель девятую звуковую страницу, услышите, как «я» веду репортаж, услышите смех в зале, и, возможно, некоторые из вас почувствуют: «Вот и еще один стал жертвой пародии». Ежели вы эти слова прочтесете, то соваую — нет, не обратиться к врачу — насторожиться: все ли у вас в порядке с чувством юмора? Его отсутствие — еще не болезнь, но уже серьезный симптом.

Как-то в одном журнале я прочел название «Круглый стол пострадавших».

Пострадавшими оказались пародируемые писатели и поэты. Сами жертвы пародий выглядели на редкость бодро и весело. Они высказывались примерно так. Сергей Васильев: «Пусть себе на здоровье пародируют и шаржируют — кроме популярности, что ничего дурного не принесит». Константин Симонов утверждал, что до сих пор с благодарностью вспоминает первую пародию, написанную на него Раскиным и Слободским 35 лет назад. Сергей Островой заявлял: «На меня написано много пародий. Скажут: «Вот расхвастался!»...

После того, как я однажды услышал пародию на себя в исполнении Геннадия Хазанова, мы не только понакомились, но и не раз выступали вместе, с одной сцены: я — с документальными рассказами из жизни спортивного комментатора, Геннадий тут же читал пародию на «спортивный репортаж». Так что «смех в зале» был нашим общим достижением, и «пострадавшим» я себя никак не чувствовал. В доказательство чего готов подписаться — «жертва пародий».

Николай ОЗЕРОВ,
народный артист РСФСР

● Геннадий ХАЗАНОВ: По традиции я должен повести читателю свою биографию. Признаюсь — она у меня печальна. Я НЕ поступил в хореографическое училище Большого театра, НЕ поступил в школу-студию МХАТ, НЕ попал в театральное училище имени Щукина, но зато меня приняли в Московский инженерно-строительный институт, где я занимался тем, чем должен был заниматься в театральном училище. Через год в институте разобрались, что к чему и... передо мной вновь открылись 100 дорог. Я выбрал одну — пошел в Училище циркового и эстрадного искусства. Окончил его благодаря терпению народной артистки РСФСР Н. И. Слоновой, работал некоторое время в эстрадном оркестре под управлением Л. О. Утесова, стал артистом Москомтеатра. Теперь увеличиваю количество своих «жертв пародий», но, поверьте, не из чувства мести. С большинством из них меня связывает искренняя дружба — это я заявляю уже вполне серьезно!

Дружеский шарж
В. Шарковой

Мы полюбили рубрику
«Смех в зале», но почему-то
в последних номерах ее нет.
Супруги Босековы
(Красноярский край).

СМЕХ В ЗАЛЕ

слушайте

6

номере:

8 (125) август 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. В поле выходит «Нива». Говорят ростсельмашевцы.
2. Девушка и небо. История одной мечты.
3. Что нужно знать переводчику. Рассказ о профессии.
4. Актриса Алла Демидова: «Сыграю ли я Гамлета?»
5. Дирижерский комментарий Евгения Светланава к «Симфоническим танцам» Рахманинова.
6. Полонезы Огинского.
7. Под перезвон гитар. Встреча с необычной коллекцией.
8. Ансамбль «Цветы»: «Есть глаза у цветов» (О. Фельцман, Р. Гамзатов), «Честно говоря» (С. Дьячков, М. Ножкин).
9. Смех в зале. Геннадий Хазанов пародирует Николая Озерова, Николая Литвинова и Луи де Фюнеса (запись сделана во Дворце культуры московского завода «Серп и молот»).
10. Музыка фигурного катания: «Кумпарсита»; «До свидания, мама» (Айрин Шир).
11. У микрофона Жак Брель (Франция): «Гретье о недостижимом» (из музыки М. Ли к пьесе «Человек из Ламанчи»), «Бабушка».
12. Поэт Юрий Гуляев (СССР): «Желаю вам» (стихи Р. Рождественского) и русская народная песня «Ах, Настасья».

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки: «Аэрофлот».
Из серии
«В мире профессий».
Художник С. Алимов

Сдано в набор
28. VI. 1974 г.
Б 04914. Подп. к печ.
15. VII. 1974 г.
Формат 60 x 84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2, 03
Тираж 500 000 экз.
Зак. 2432 Цена 1 руб.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Главный редактор С. Н. ЕСИН
Редакционная коллегия: И. Д. КАЗАКОВА,
Л. Э. КРЕНКЕЛЬ, А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник),
В. В. МАНИОН, Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Б. Л. ТИХОНЕНКО (зам. главного редактора),
Г. М. ШЕРГОВА.

Технический редактор Л. Е. Петрова.

Пишите
нам
по адресу:

113326, Москва.
Пятницкая, 25,
«Кругозор»

Алла ДЕМИДОВА.
заслуженная артистка РСФСР

По природе своей профессии актер всегда на виду у зрителя. И не только его сегодняшняя творческая жизнь — подчас известными становятся даже самые далекие и неясные творческие замыслы. Так случилось однажды и со мной: в одном из своих первых интервью я, может быть, несколько легкомысленно поделилась с читателями своей мечтой. Статья так и называлась: «Почему я хочу сыграть Гамлета». И хотя в таком заявлении был оттенок некоторой сенсационности, я об этом не думала, поскольку предшествовала тому своя история.

Я пришла в театральное училище, окончив экономический факультет МГУ. Об этом я не жалею и не жалею. Но на первом курсе училища университетское образование стало мне в чем-то мешать: актерская профессия требует «наивной веры в предлагаемые обстоятельства». А мне, дипломированному преподавателю политической экономии, на первых порах было как-то стыдно раскрываться эмоционально. Распахивать свою душу, плакать на людях. Наш художественный руководитель народная артистка РСФСР А. Орочко говорила: «Ну, Демидова застегнута на все пуговицы». Чтобы выйти из «пуговичного состояния», Орочко посоветовала взяться за какую-нибудь далекую мне роль. Какую? И я поступила со всем максимализмом молодости, взялась за мужскую роль. А лучшая мужская роль — Гамлет. Бернард Шоу в одном из своих писем писал, что актер, играющий Гамлета, не знает успеха — роль выветит.

Гамлета можно играть бесконечно. Эта роль — шар. Как шар невозможно увидеть со всех сторон, так и эту роль не объять разом. Даже гениальный актер в лучшем случае сыграет две-три стороны, но никогда не увидит четвертую. А может быть, эту, еще не увиденную сторону дано разглядеть не актеру, а актрисе? Не случайно же Гамлета играли и Сара Бернар, и Аста Нильсен, и многие другие актрисы. Нильсен даже снялась в роли Гамлета в кино. Правда, там был хитрый ход: Гамлет по рождению своему — девочка, но, чтобы скрыть это от народа, объявили, что родился наследник...

Станиславский репетировал Гамлета с Ириной Розановой, которая погибла во время Великой Отечественной войны, так и не воплотив своего замысла.

Взялась и я за Гамлета. Взялась и — потонула. Работала над ним три года в училище. Потом Н. Н. Охлопков, прослышав про мои попытки, пригласил в театр — хотел попробовать ввести меня в свой спектакль. Я ходила на репетиции, но потом отказалась. Во-первых, потому, что спектакль был сделан все-таки в расчете на мужчину, даже на определенного актера, а во-вторых, я убедила себя, что в искусстве нельзя начинать со скандала. А скандал был бы в любом случае...

В это время, кстати, произошел со мной забавный случай. В самый разгар репетиций Гамлета я получила телеграмму —

ТЕАТР
«КРУГОЗОР»

БЫТЬ

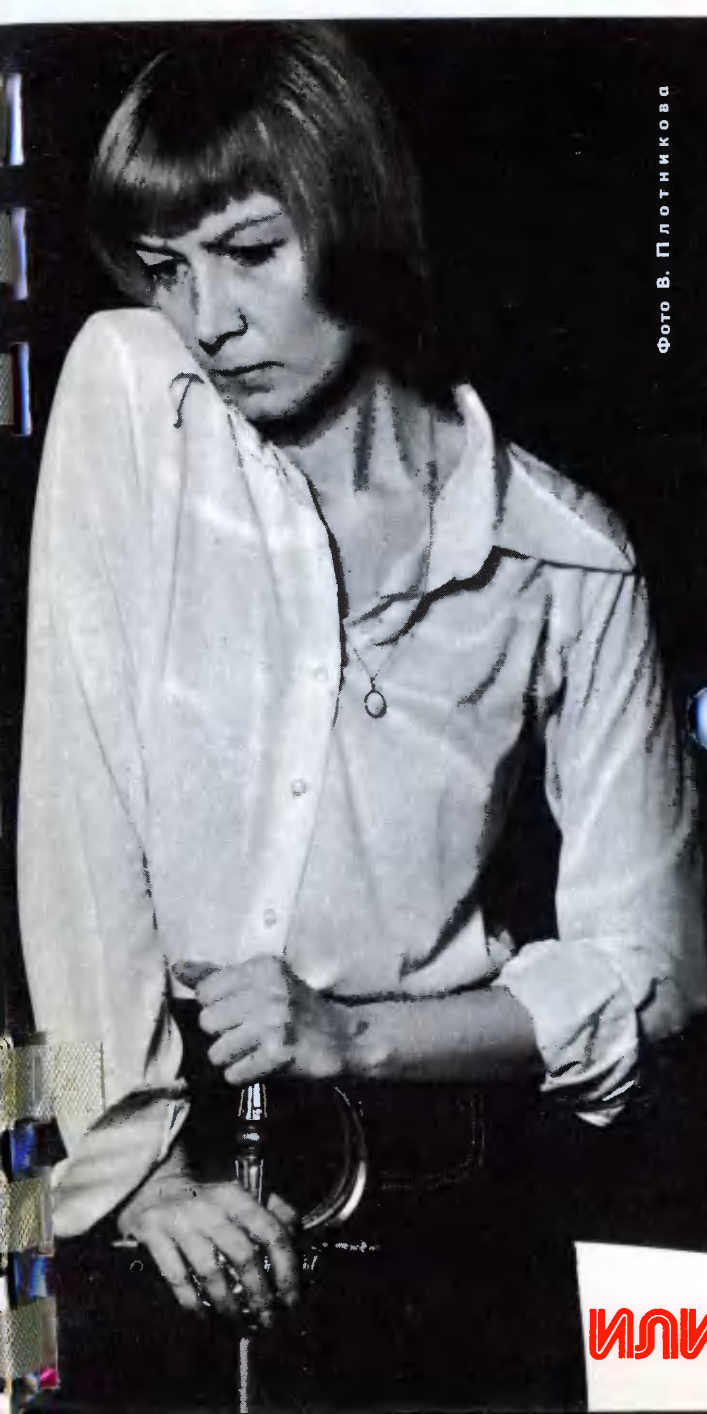

Фото В. Плотникова

вызов на пробы от группы Ленфильма «Гамлет» режиссера Козинцева. «Неужели про меня уже узнали и в Ленинграде?» — подумала я. Бросила все дела, полетела в Ленинград. Но оказалось, что вызывали пробоваться на Офелию, а Гамлета будет играть И. М. Смоктуновский. И я все же не смогла удержаться от соблазна хотя бы порепетировать с этим замечательным актером. До сих пор мне стыдно перед ним за то, как я чирикала каким-то тоненьким, не свойственным мне голосом чужую для меня роль. Потом все хотелось перед ним внутренне оправдаться. Позже я играла со Смоктуновским в трех фильмах («Живой труп», «Чайковский», а в «Стелени риска» даже его жену), но драматургически сложилось, что в кадре мы с ним не сталкивались. Так что оправдание для меня — впереди.

И все же я встретила с «Гамлетом» — много позже, уже у нас в Театре на Таганке — в роли Гертруды, в спектакле, где роль Гамлета исполняет В. Высоцкий.

Я мечтала сыграть Гамлета, а сыграла его мать. Впрочем, мне кажется, что в этой великой пьесе каждый ее участник косвенно играет Гамлета, и больше всего, конечно, это касается Гертруды. Ведь сын не мог не унаследовать каких-то черт характера матери. Может быть, в той трагической незащищенности перед обстоятельствами, которые Гертруда так и не смогла преодолеть, а сын сумел в конце концов, все-таки есть у них общее?..

Во всяком случае, роль Гертруды стала для меня одной из любимых. А роль Гамлета, самоуверенно заявленная в давнем интервью, сыграна по кусочкам, по черточкам и штришкам — и в «Дневных звездах», и в фильме «Иду к тебе» — о Лесе Украинке, и в других любимых мной ролях. Потому что Гамлет — это не только роль. Это тема всего творчества. И для меня Гамлет — это прежде всего талант. Человек, которому дано видеть больше, чем другим. Разве это не имеет отношения к извечной проблеме о месте художника в жизни, об особой ответственности таланта за все, что его окружает? О невозможности играть в прятки со временем?.. Вот почему Гамлет не может бездействовать, хотя знает, что это приведет его к гибели. И он решает «быть» — вступает в бой... В вечный бой, который продолжают все Гамлеты всех времен и народов.

И, вероятно, недаром тема Гамлета волнует не только актеров, но писателей и поэтов, не раз возвращавшихся к этой вечной теме в своих стихах.

Этой весной, в апреле, Алла Сергеевна Демидова получила приглашение сыграть Гамлета. Валмиерский театр драмы в Латвии предлагает ей не только свою сцену, имеется в виду также ее участие в сентябрьских гастрольных спектаклях в Риге.

Четвертая звуковая страница. Алла Демидова: раздумья перед выходом на сцену: монолог принца датского, стихотворение Д. Самойлова «Оправдание Гамлета».

ИЛИ НЕ БЫТЬ?

ЮРИЙ ГУЛЯЕВ

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ СССР

Юрий Гуляев родом из Сибири, края раздольного, могучего и щедрого. Поэтому сразу же хочется говорить о его по-русски широкой манере пения. Высокая техника вокального мастерства всегда одушевлена у Гуляева правдой жизни. А необъятность звука и вокальная свобода позволяют предположить, что певцу все доступно для исполнения.

Гуляев точно рожден для народной песни. Его и невозможно представить без «Стеньки Разина», «Эх, ты Ваня», «Не велят Маше за реченьку ходить», «Зашумела, разгулялась». И, безусловно, в становлении и формировании его как оперного и камерного певца песня сыграла свою важную и добрую роль.

И вот что интересно: в широком диапазоне певческой деятельности Гуляева жанры взаимно обогащают друг друга. Как песня помогла Гуляеву — оперному певцу, так оперная сцена сообщила ему, исполнителю песен, качества, о которых сказано выше. Он никогда не поступается вкусом. Умение чувствовать пульс своего времени, создать атмосферу откровенного разговора с аудиторией — вот к чему стремится певец.

Когда я слушаю Гуляева, то забываю, что сам артист, — я просто слушатель, захваченный его правдой, искренностью. Вижу и русское поле, и дождинку малую, и задорную Настасью... Это значит, певец достиг самого сокровенного — он заставил вас самозабвенно войти в мир искусства, в мир творимого им образа.

Несколько лет назад Гуляев начал свои первые композиторские пробы. И здесь он стремится к четкому, простому музыкальному рисунку. Вокалист, он чувствует песню как «чудесный сплав» слуховых образов. Это же отличает его как композитора. Я с удовольствием пою Юрия Гуляева на стихи Сергея Есенина, Роберта Рождественского.

Встречи с певцом напоминают разговор прерванный на самом интересном. А поэтому с нетерпением ждешь, когда же вновь вернешься к нему, что скажет певец, ждешь встречи с настоящим искусством.

Юрий БОГАТИКОВ
народный артист

Цена 1 руб.